

Линь Цинюй так решительно отказался и даже упомянул Наньань Хоу. Пань Ши одновременно очень уважала и боялась сына благодетеля. Она не осмеливалась больше говорить об этом, поэтому быстро оставила этот вопрос в прошлом и перешла к обсуждению праздника середины осени.

Слушая ее, Линь Цинюй был немного рассеян. Он был неосторожен и не ожидал подобных последствий. Лу Цяосун потерял способность продолжать родословную семьи Лу. Наньань Хоу, естественно, обратил свои мысли к старшему сыну. Хотя Лу Ваньчэн постоянно болел, это было не совсем невозможно, если бы он хорошо постарался.

В ту ночь Лу Ваньчэн вернулся в их комнату после купания и обнаружил, что Линь Цинюй бросает на него необъяснимые взгляды. У него вдруг появилось дурное предчувствие.

«Что не так?»

Линь Цинюй спросил: «Как у тебя дела в последнее время?»

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Ты каждый день проверяешь мой пульс. Ты должен знать мое состояние лучше, чем я».

«Я не спрашиваю о твоём состоянии как пациента. — Линь Цинюй посмотрел вниз, его взгляд остановился на определенном месте, он указал подбородком и спросил: — Он... все еще встает?»

Когда его спросили об этом, Лу Ваньчэн почувствовал себя немного подавленным. С негодованием в глазах он сказал: «Я пил твоё лекарство, и у тебя хватает наглости спрашивать меня об этом?»

Побочные эффекты лекарства были временными. Он мог бы восстановить его состояние после нескольких дней отказа от употребления лекарства или если бы Линь Цинюй провел ему сеанс иглоукалывания. Другими словами, сможет ли он сделать это или нет, зависело от того, позволит ли ему Линь Цинюй. Сначала он чувствовал себя униженным, но потом действительно смирился с этим. Как и сказал Линь Цинюй, он все равно не пользовался им, а бороться с ним слишком утомительно.

Линь Цинюй кивнул.

«Тогда приходи ко мне, когда он тебе понадобится, и я проведу сеанс иглоукалывания, чтобы он смог подняться».

Лу Ваньчэн удивленно спросил: «Зачем мне пользоваться им?»

Линь Цинюй холодно выплюнул несколько слов: «Произвести на свет сына и продолжить род,

чтобы кто-то мог и дальше возжигать благовония в храме».

Лу Ваньчэн был умным человеком, он должен был понять, услышав лишь эти несколько слов. И действительно, Лу Ваньчэн одарил его просветленной улыбкой.

«Так вот оно что. С нашим Цинюем провели беседу».

У Линь Цинюй не хватило терпения ходить вокруг да около, он сразу спросил: «Ты хочешь взять наложницу?»

Лу Ваньчэн посмотрел на серьезное выражение лица Линь Цинюй и зловредно проглотил слова «Конечно, не хочу», которые почти слетели с его губ. Притворяясь противоречивым, он сказал: «Да, но, может быть, и нет».

Линь Цинюй слегка приподнял брови.

«Говори по-человечески».

«Правда в том, что я прожил почти 20 лет, и все же никогда даже за руку не держал девушку. Прежде чем я умру, мне кажется, было бы хорошо, если бы я мог испытать ощущение нежного и ароматного женского тела* в своих объятиях, верно?»

[Примечание: □□□□ / Теплый ароматный нефрит. Нежный драгоценный камень с легким ароматом плоти мягкой красавицы. Иносказание для женского тела. Описывает тело молодой женщины как белое и мягкое, источающее ауру тепла и юности.]

Хех, несколько дней назад он хвалил его за то, что в его доме не было странных людей. Говорил, что у него многообещающее будущее. Сегодня он жаждет нежного и ароматного женского тела.

Этот сукин сын.

Линь Цинюй уже собирался сказать что-то насмешливое, когда случайно заметил, как изогнулись вверх губы собеседника. Он усмехнулся в глубине души. Лу Ваньчэн явно намеренно выводил его из себя, и если бы он воспринял это всерьез, то проиграл бы.

Линь Цинюй спокойно спросил: «Тогда какие женщины тебе нравятся? Скажи мне, чтобы я мог отыскать для тебя подходящую».

Лу Ваньчэн, похоже, серьезно задумался над этим, но ответ, который он дал, был довольно поверхностным: «Красивая, с хорошим характером и не будет жестокой по отношению ко мне».

«Понятно, — сказал Линь Цинью. — Тогда завтра я выберу кого-нибудь. Иди спать».

Лу Ваньчэн был немного удивлен: «И это все? Пойти спать?»

«А что не так? Ты хочешь сказать что-то еще?»

Лу Ваньчэн терпел и терпел, но в конце концов не смог этого вынести. Он спросил через разделяющую их ширму: «Цинью, ты же не хочешь действительно найти мне наложницу, верно? Согласно здравому смыслу, я - твой муж».

Линь Цинью пошутил в ответ: «Муж? Что еще за муж? У меня есть только брат с другой фамилией. Я просто помогаю себе найти невестку. В будущем ваши дети будут называть меня „дядя Линь“».

Лу Ваньчэн не мог удержаться, чтобы не бить себя в грудь и не топтать ногами*: «Ты можешь перестать поднимать эту тему о том, что мы - названные братья?»

[Примечание: 捶胸頓足 / chuíxiōng dùnzú - бить себя в грудь и топтать ногами. В образном значении 1) быть охваченным горем, быть в безысходном горе; 2) прийти в ярость.]

«Почему бы мне не поднять этот вопрос? — Линь Цинью усмехнулся. — Кто тогда поднимал шум, требуя, чтобы мы стали побратимами, кто хотел называть друг друга братьями?»

Лу Ваньчэн аж закашлялся от возмущения.

«Сейчас я сожалею об этом. В любом случае, тогда мы не скрепили клятвы кровью, так что это не считается, хорошо?»

«Нет, все считается. Брат на один день - это брат на всю жизнь».

«Тогда, согласно тому, что ты сказал, супруги на одну ночь создают связь на сто ночей*».

«Верно, — безжалостно разоблачил его Линь Цинью, — но ты не был тем, кто проводил эту церемонию бракосочетания со мной».

Лу Ваньчэн был так подавлен, что потерял дар речи. Вцепившись в подушку, он заскрежетал зубами.

«Почему, черт возьми, я не появился на день раньше?..»

После этого Лу Ваньчэн сам отправился к Наньань Хоу. Они вдвоем говорили за закрытыми

дверями кабинета, и никто не знал, что именно было сказано. Но Наньань Хоу провел целую ночь в зале предков, и у него стало гораздо больше седых волос. Вот так вопрос о наложнице Лу Ваньчэна разрешился сам собой.

Праздник середины осени был не за горами. От палящей летней жары почти ничего не осталось. Во дворе роскошно цвели душистые цветы османтуса. Летняя одежда была тонкой для осенней погоды, но люди неохотно надевали больше слоев, как будто это могло бы отсрочить середину осени еще хоть на чуть-чуть.

Мир наполняется жизнью весной и увядает осенью. С древних времен каждая осень печальна и одинока. Наступление осени также повлияло и на настроение Линь Цинюя. Вот уже несколько дней он был мрачным и холодно обращался со всеми, кого бы не встретил. Он запирался в кабинете на весь день, и еда, которую приносила ему Хуа Лу, оставалась нетронутой.

Сам Линь Цинюй ненавидел то, насколько он был подавлен. Как он мог не знать, что не нужно настолько падать духом? Жаль, что он до сих пор не может так легко справляться со своими эмоциями.

Он безучастно смотрел в свою книгу, когда дверь со скрипом открылась и в кабинет вошел Лу Ваньчэн с тарелкой закусок. Он сказал с улыбкой: «Цинюй, посмотри какие вкусности я тебе принес».

Линь Цинюй сказал: «Спасибо, ты можешь просто поставить это там».

Лу Ваньчэн не был удовлетворен.

«Как небрежно. Ты даже не взглянул».

Линь Цинюй взглянул на него. Это был свежеприготовленный «цветочный бисквит» с ароматом османтуса. Он подумал, что тот был сделан из сладко пахнущего дерева османтуса во дворе.

«Я видел. Теперь ты можешь уйти».

Лу Ваньчэн не сделал ни малейшего движения, чтобы уйти. Линь Цинюй знал, что тот смотрит на него, но ему не хотелось отвечать. Он попытался продолжить чтение, но ощущение чьего-то присутствия было настолько сильным, что он не мог сосредоточиться. Он закрыл глаза, затем поднял их и спросил: «Есть что-нибудь еще?»

Лу Ваньчэн тихо сказал: «Цинюй, ты злишься», — тон его заявления был полон уверенного утверждения.

Линь Цинью спокойно сказал: «Нет, не злюсь». Он не был лицемерным, сейчас он действительно не злился. Ему просто не хотелось разговаривать.

«Это потому, что я слишком много бездельничаю в постели, и этим разозлил тебя? — Лу Ваньчэн продолжил скрытно прощупывать Линь Цинью. — Тогда я больше не буду спать, хорошо?»

Линь Цинью усмехнулся: «Ты? Невозможно».

Лу Ваньчэн также очень хорошо знает себя.

«Это действительно кажется маловероятным. Тогда что же заставит тебя взбодриться? — Лу Ваньчэн сел рядом с ним, положил подбородок на стол и посмотрел на него. — Я мог бы позволить тебе потрогать мой пресс? О нет, сейчас у меня совсем нет мышц живота... Тогда я мог бы позволить тебе погладить меня по голове?» — сказал он, придвигая голову ближе.

Линь Цинью прикрыл глаза одной рукой, а другой оттолкнул Лу Ваньчэна.

«Просто оставь меня в покое, хорошо?»

Лу Ваньчэн согласился, хотя ему очень не хотелось этого делать: «Хорошо, но не забудь поесть».

Как только Лу Ваньчэн вышел из кабинета, Хуань Тун сразу же подошел к нему и спросил: «Молодой мастер Хоу, как он?»

Лу Ваньчэн покачал головой.

Хуань Тун был немного встревожен: «Что случилось с молодым мастером? Он весь день ничего не ел».

Лу Ваньчэн немного подумал и сказал: «Наверное, дело не во мне. В противном случае, он бы сразу же велел мне убираться вон. Кстати, когда Императорская медицинская канцелярия будет вывешивать списки успешно сдавших экзамены?»

Хуань Туна внезапно осенило: «Это сегодня!»

«Ну, конечно. — Лу Ваньчэн оглянулся на тонкий силуэт в окне. — Это сложно. Его определенно будет нелегко успокоить».

Хуань Тун был подавлен беспокойством.

«Что же нам тогда делать?»

«Что мы можем сделать? — Лу Ваньчэн лениво сказал: — Я возвращаюсь спать».

Хуань Тун был сильно разочарован: «Как молодой мастер Хоу может быть таким? Вы слишком быстро отступаете перед лицом трудностей».

Лу Ваньчэн постучал Хуань Туна по голове и сказал в ответ: «Поверь мне, твой молодой хозяин просто хочет, чтобы прямо сейчас его оставили в покое, так что давай не будем его беспокоить. Кроме того, я верю, что он может сам справиться со своим настроением».

Линь Цинюй вздохнул с облегчением, когда услышал удаляющиеся шаги.

В прошлом, всякий раз, когда Линь Цинюй чувствовал себя раздосадованным чем-либо, то всегда мог успокоиться в компании своих медицинских книг. Но сейчас, хотя он пытался взглянуть в каждое слово книги, но не мог настроиться. Юноша чувствовал нетерпение, опрометчивость, беспокойство и не мог усидеть на месте, он не мог успокоить свое сердце.

Линь Цинюй в одиночестве покинул Павильон Голубого Ветра, бесцельно бродя по резиденции. Сад был покрыт опавшей листвой, они слишком хорошо знали, что осень настала*. Когда он впервые приехал в резиденцию Хоу, все еще шел снег, и везде горели угольные жаровни. Но в мгновение ока прошло уже больше полугода.

[Примечание: Измененные стихи Тао Юаньмина, китайский поэт, 365-427 гг. период Вэй-Цзинь (220-420 гг. н. э.)]

Наньань Хоу часто отсутствовал, и Лу Цяосун с Лян Ши восстанавливали силы за закрытыми дверями. Лу Нянътао устало металась между двумя больными. Прежде чем Линь Цинюй осознал это, он стал истинным хозяином резиденции Хоу. Слуги в его присутствии вели себя одновременно почтительно и боязливо. Казалось, никто уже не помнил его унижения, когда он ступил в резиденцию Хоу в качестве супруги-мужчины через Чун Си.

Линь Цинюй посмотрел на высокую алую стену, простирающуюся во все стороны. Ему казалось, что он все еще мог слышать крики лоточников снаружи. Должно быть, у входа в Императорскую медицинскую канцелярию очень оживленная сцена, это через четыре улицы от резиденции Хоу. Его бывшие одноклассники – те, кто был ниже его, те, кто завидовал ему, – все ли они стояли перед этим списком, ища свои имена со страхом и предвкушением?

Если бы его сердце не смягчилось от сострадания к Лу Ваньчэну, позволив тому прожить еще полгода, где бы он был в этот момент?

Когда подул осенний ветер, Линь Цинюй протянул руку, позволяя сладко пахнущему османтусу упасть в его ладонь. Он загадал желание...

Он был готов поститься целых семь дней в обмен на то, что люди, которых он ненавидел, не попадут в этот список.

Да, он был таким мелочным человеком. Он просто не мог вынести, когда люди, которых он ненавидел, жили лучше, чем он.

Линь Цинюй представил себе выражение лица Тан Цичжи, когда он снова потерпел неудачу, и почувствовал себя немного лучше.

Внезапно позади него послышались торопливые шаги. Он обернулся и увидел бегущего к нему Хуань Туна. Переведя дыхание, тот сказал: «Молодой господин, пришло время отпраздновать!»

«Что мне праздновать?»

«Тань...Тань Цичжи провалил экзамен!»

Линь Цинюй был удивлен.

Хуань Тун взволнованно сказал: «В дополнение к Тань Цичжи, есть также Ван-гунцзы, который сказал, что вы похожи на женщину, и Лян-гунцзы, который оклеветал вас, сказав, что вы обманывали на провинциальном экзамене на получение звания сюцай... Молодой господин, все они провалили экзамен! Разве это не повод для празднования?»

Только тогда Линь Цинюй пришел в себя и спросил: «Ты ходил в Императорскую медицинскую канцелярию?»

«Да, я пошел посмотреть списки успешно сдавших экзамены».

«Кто просил тебя пойти туда?» — как только Линь Цинюй закончил спрашивать, в своем сердце он уже знал ответ.

«Это был молодой мастер Хоу, — ответил Хуань Тун. — Он сказал, что молодой мастер наверняка захочет это услышать».

Линь Цинюй испытывал сложное чувство, которое не мог выразить словами. Почему Лу Ваньчэн знал даже об этих его тайных и порочных мыслях? Кто он такой!

Линь Цинюй выбросил сладко пахнущий османтус, который держал в руке, и сказал: «Давай вернемся».

Вернувшись в Павильон Голубого Ветра, Линь Цинюй инстинктивно поискал фигуру Лу

Ваньчэна. Хотя Линь Цинюй не увидел его, он услышал чистый свист, похожий на крик иволги. Проследив за звуком, он увидел Лу Ваньчэна, сидящего на крыльце, прислонившись спиной к перилам. Его поза, как всегда, была ленивой и небрежной. Когда их взгляды встретились, Лу Ваньчэн опустил руку, которую держал у губ, чтобы насвистывать. В последней ноте свиста, казалось, чувствовалась счастливая улыбка.

«Ты вернулся. Иди и поешь».

Молодой человек прислонился к перилам крыльца. Он улыбался, свободный от забот об этом смертном мире.

Линь Цинюй подумал про себя: он не сдавал экзамен, который проходит раз в три года в обмен на полгода жизни для человека перед ним. Как бы он ни думал об этом, для него это была неудача.

К счастью, Лу Ваньчэн довольно хорошо играл на том свистке. Кажется... это не было большой потерей.

Улыбка Линь Цинюй была так же слабо видна, как луна в облаках.

«Хорошо».

Переводчику есть что сказать:

<http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000068/index.shtml>

В ОТВЕТ НА СТИХИ ЧАЙСАНСКОГО ЛЮ

* (Чайсанский Лю - по-видимому, Лю Чэн-чжи, который был начальником уезда Чайсан, а потом, покинув службу, стал, вместе с Чжоу Сюй-чжи в Тао Юань-мин, одним из «трех йеюньянских отшельников» на горе Лушань.)

И бедно живу, и мало с миром общаюсь.

Не помню порой, сменилось ли время года.

Пустынный мой двор покрыт опавшей листвой.

Я, с грустью взглянув, узнал, что осень настала.

Подсолнечник вновь расцвел у северных окон.

Колосья уже созрели на южном поле.

Мне как же теперь не радоваться на это:

Уверен ли я, что будущий год наступит?

Жену я зову, детей мы берем с собою

И в добрый к нам день гулять далеко уходим.

(Перевод Л. Эйдлина)

<http://bllate.org/book/15122/1336642>